

Автор: Анна Смола

Закольцованный спор

На стене таверны плясали блики тусклого света — заведение располагалось в подвале и освещалось лишь факелами, поэтому нельзя было сказать, наступило уже утро или ещё глубокая ночь. Двое сидели напротив друг друга в накидках с капюшонами, прикрыв ими лица, и разговаривали вполголоса. Но каждый подался всем телом вперед, словно в некотором напряжении. Вокруг ни души, и никакой еды на столе, хотя помещение наполнено запахом дыма и жира, что капает с мяса в огонь во время жарки. Вдруг один из посетителей рывкнул «Да какого черта?», и наблюдавшая за ними краем глаза прислужница вздрогнула всем телом, чуть не уронив кружку, которую мыла в жестяной раковине.

На всякий случай она ринулась к столу с пенящимся кувшином в руках и услышала, как один из гостей проскрежетал из-под толстого войлочного капюшона:

— Зачем зря его поминать, барин.

— Да какой я тебе барин, чертяка ты эдакий! Ты от вопроса-то не уходи. Уговор был о возвращении мне старинных ценностей, а не о том, чтобы в должниках ходить. На правёж поставят, и что я получу, кроме как батогами битым быть?

— Почему битым, барин? Сейчас уже такого не принято. Ну будете должны, а там уж порядок свой есть, и долги сымут, дай только срок!

Тот, кого называли «барин», зыркнул на прислужницу из-под нависших бровей тяжелым взглядом. Лицо у него выглядело обветренным, да загорелое до красноты, как если незнакомец прибыл морем, и путь был неблизкий. Борода густая, смоляная с редкой проседью.

— А ты чего тут замешкалась? Дел нет? Или вынюхиваешь чего? Сейчас хозяина позову! Давай-ка, шевелись, — мужчина отнял руку от кружки и занес её, но девушка вихрем ретировалась, не дожидаясь, куда приземлится ладонь размером с поллопаты.

Через две седмицы на Широком Торгу объявили решение тиунского суда: право взыскания долга в размере двухсот рубиев с рядника Добролюбова возвращается к банку «Нокард» в рамках процедуры погашения долгов, а собрание кольцовиков Старой Эпохи, переданное по подложно крупной стоимости за вышеупомянутое право взыскания, возвращается к купцу Трупицыну. Обозначенный купец ранее был объявлен гонимым вослед по его собственным долгам.

Мальчик лет семи в коричневой шубке, который стоял рядом с высоким статным мужчиной на мостовой возле таверны, что выходила парадным входом на Торг, тронул его за локоть и спросил:

— Бати, а что значит «гонимым вослед»? Это когда собаками травят?

— Ну почти, — усмехнулся отец мальчика. — Значит, что разыскивают, а там уж как придется, может и с собаками.

— А кольцовики? — не унимался пацан.

— В Старую Эпоху изготавливали колечки из серебра и золота, но побольше и потолще, чем для пальца. Вот такие, — мужчина соединил свои большой и указательный пальцы перед носом у ребенка. — И ходили они вместо денег, что монеты нынешние. Прямо связками на бечевке можно было носить, вроде бубликов.

— Кольцовики, — продолжал далее хриплый зычный голос, доносившийся из-под низкой каменной щербатой стены, — схоронены по ручательной описи у княжеской вирной службы, под печатью и опричь.

На другом углу, через две улицы, что расходились звездчато от Широкого Торга, виднелась сутулая фигура в плаще из серой шерсти. По окончании зачитывания фигура было развернулась, чтобы двинуться в направлении от площади. Но к ней скользнула другая, постройнее и в темно-синем струящемся одеянии.

— Лукьян свет Трофимыч, — прозвенел высокий голос, а рука в серебристо-бархатной перчатке легла на широкий рукав серого балахона.

Фигура обернулась, обнаружив длинное бледное лицо с рыжей бородой.

— Чем обязан? — поинтересовалось лицо скрипучим голосом.

— Дельце одно к вам, — продолжала ворковать вторая фигура, приподняв вверх лицо, так что из-под объемного головного убора, напоминавшего диковинную птицу, показался узкий подбородок и розовое личико.

— Сударыня Трупицына! — борода метнулась в легком поклоне.

— Она самая, — пропел маленький рот. — Пройдем куда, или прямо тут беседовать будем?

— Пожалуйста в мою повозку, коли изволите, — борода вновь шелохнулась кивком головы, уже в другую сторону.

Фигуры двинулись от площади и вскоре приблизились к кибитке, запряженной механическим приспособлением, напоминавшим смесь верблюда с паровозом. Сама кибитка была покрыта парусиной, наброшенной на полукруглые опоры.

Небо хмурилось с самого утра, и как раз начал накрапывать дождь, так что женщина с удовольствием быстро забралась под навес. Вдоль краев там были закреплены лавки, накрытые шкурами. Капли еле слышно шелестели по плотной ткани.

Лукьян вскарабкался следом. Подождал некоторое время, пока дама разместится на лавочке, и присел сам. Затем сказал нетерпеливым тоном:

— Я слушаю.

Женщина помолчала, словно раздумывая, издалека начинать или излагать вопрос коротко. Поводила ещё глазами по сторонам, и произнесла:

— Мне нужно моё кольцо. Кольцовик. Из собрания.

Рыжебородый развёл руками.

— Вы же в курсе, наверное. Долговое производство идёт. Собрание кольцовиков вернулось от банка бывшему владельцу, то есть муженьку вашему. Тоже бывшему, хм. Я со всем уважением, — он прислонил руку ладонью к груди и слегка склонил голову. — Но чтоб потрогать хоть имущество это, его попробуй выцарапай от бестий знатных, вирников то бишь. Форменные оборотни, что днем, что ночью начеку. Да и попытаться даже может только владелец, должник сам. А его ищи-свищи по белу свету. Жив хоть?

— Я не знаю, — Трупицына опустила глаза и пальцами начала перебирать шерсть шкуры, покрывавшей лавку. — На заморщине где-то. А так всем же этот, куратор-рядитель заправляет. Должник вообще дело десятое, судя по всему.

Лукьян вздохнул и посмотрел на женщину как на ребёнка, которому в сотый раз надо объяснять таблицу умножения.

— А я что могу, спрашивается? Это долговая процедура, суть дело судебное, рядилице. Тут даже чёрная магия бессильна. Подумаешь, колечко, или кольцовик, одна беда. Заклинание мне надо произнести? «Колечко, ступай к хозяйке на крылечко?» Не знаю, что там за радость у вас от него, но мне с того что? Я не коллекционер.

— Не обижу, — шумно выдохнула женщина.

— Да что у вас, денег нет что ли? — Лукьян подался вперёд и посмотрел на женщину пристально, даже с интересом. — Средствами явно не обделены. Сдалось вам это собрание древностей! «Ваша прелесть» там затесалась, или что?

Женщина начала кусать нижнюю губу и как-то сникла. Потом, решившись, подняла глаза и произнесла твёрдо:

— Один из кольцовиков — неразменный. Это свойство должно действовать и для всего собрания. Значит, моя часть должна ко мне вернуться. Не понимаю, почему этого не случилось до сих пор. Может, потому, что муж продал кольцовики банку этому, как его, Нокард, как свою собственность?

Лукьян засмеялся, хоть и слушал с видимым любопытством.

— Ну что за байки! Нашли уж, дамочка, кого за нос водить. Я всякого наслушался за свою практику, но такого не приходилось ещё. Неразменный кольцовик! Надо же такое придумать. Это как неразменный рубий, что ли? Из популярной городской легенды?

— Я правду говорю, — сказала женщина упрямо и поджала губы. — Уж кому знать, как не мне? Кто чёрную кошку на перекрёсток носил, да бесовскую мохнатую ручку жал? Не этот, удалец, — она хмыкнула досадливо и мотнула своей прелестной головкой в сторону. — Говорил, что надобно, толковал всё, что барская жизнь нам обеспечена если не на веки вечные, то уж до конца дней точно. И где? — она шмыгнула носом и часто поморгала, как будто вот-вот заплачет. Но через секунду вперила свои чёрные сверкающие глаза в Лукьяна, словно хотела вцепиться ему в бороду:

— Говорю тебе, верни мне его. Половину своей доли отдам. Собрания Старой Эпохи сами по себе немалых денег стоят. Я всё-таки почти двадцать лет с мужем прожила, должна же там моя доля быть? Только нужно, чтобы тот самый кольцовик в мою часть попал. Это ты уж как-нибудь отсуди, постарайся.

— Ладно, — у Лукьяна на физиономии появилась улыбка, которую можно было назвать довольной. Но глаза переливались холодным блеском. — Нужен аванс, — холодно произнёс он.

— Ох и лукавый ты, Лукьян, — поворчала дама, но тоже с улыбкой, хотя и кривоватой. Потянулась к своему уху, повозилась с минуту, и протянула на обтянутой бархатной перчаткой ладони что-то блестящее.

— Подойдёт? — спросила она.

Лукьян вытащил откуда-то из складок своей одежды огрызок свечи, изогнутое стеклышко, зажёл огонёк и разглядывал сверкающую в бликах свечи горстку долго и тщательно. Потом задул свечу, кивнул, сгреб погасшие камушки и упрятал в свои складки.

— Добре, — сказал коротко и тут же встал, показывая, что разговор окончен. — Я пойду, дела. Самоходка моя отвезёт по адресу, в ваше имение. Ну или куда скажете.

Трупцына кивнула с серьезным видом, Лукьян откинул полог и спрыгнул наружу.

Спустя полгода в прохладных и гулких залах тиунских судилищных палат Лукьян мерил медленными шагами коридор, из конца в конец. Теперь его со стороны едва ли возможно было узнать, разве что по цвету бороды, да и та была приглажена. Длинная багровая мантия ровными аккуратными складками обрамляла фигуру при ходьбе, красные блестящие сапоги чуть поскрипывали.

Неподалеку на деревянной полированной лавке сидела белокурая женщина в светлой мантии с бордовой оторочкой, несколько человек в синих и черных мантиях стояли чуть поодаль, среди них тоже виднелась парочка бело-красных.

Весеннее солнце разбрасывало россыпь лучей сквозь мутноватые небольшие стеклышки, спаянные бронзовыми жилками в маленькие окошки. В этих лучах весело кружилась поднимаемая многочисленными каблуками пыль. Возле одного из окон жужжала разбуженная назойливой яркостью муха. Лукьян прижал её к стеклу рукой в холщовой перчатке, но не придавил, и она продолжала еле слышно биться в ладонь, покрытую тканью.

— Пожалуйте в зал, — раздался звонкий голос из середины коридора, и массивные деревянные створки дверей медленно начали отворяться. Люди в мантиях сгрудились вокруг них и понемногу просачивались внутрь. Лукьян и женщина в светлых одеждах тоже зашагали ко входу.

Через полчаса люди с той же энергией высыпались обратно и начали потихоньку расходиться. Едва Лукьян шагнул за порог, его догнал юноша с непосредственной живостью на лице и непослушными вихрами черных волос над внимательными коричневыми глазами. На плечи наброшена золотистая накидка – газетчик. Он практически перегородил Лукьяну дорогу с воплем: «Умоляю, весточку для Торгового посланника!»

Лукьян насупился, но остановился. Парень приободрился и продолжил бойко:

— Достопочтимый судебный поединщик, как вы могли бы сопроводить устами речение тиунского суда для нашего новинческого издания?

— Присуждено боярыне Трупициной Агафье Игнатьевне, бывшей супружнице Трупицына Федора Савельича, яко совокупно обретенное добро, половина по стоимости собрания кольцовиков Старой Эпохи, числом девяносто шесть.

— И что, она их может забрать теперича?

— Покамест не может, немедля. Но буди полноправная владелица. Распорядиться полномочия обладательные переправляются бытно и совокупно.

Другие люди уже оттеснили их к стене, но золотистый юноша не унимался.

— А судебная поединщица, госпожа, которая в белом с красным, она же от куратора-рядителя? Утверждала, что после того, как суд рече обратно возвратить от банка собрание кольцовиков должнику Трупицыну, ничего совокупно обретенным супружниками более считать не должно — сие суд почел неубедительным?

— Сие есть оговор, а не приговор, — улыбнулся снисходительно Лукьян.

Белокурая женщина как раз проходила мимо и еле заметно кивнула Лукьяну. Его юный собеседник обернулся и тут же увязался за ней.

«Свидимся ещё, поди, — Лукьян сплюнул через правое плечо, бормоча, — поединщица, итить, а вернее будет сказать гарпия. Тоже мне небесное воинство, кураторы-рядители поди ангельская братия, не иначе. Что должниковский, что банковский, один пёс. Изображают всё смыслы праведные, да речи доводные, а сами бесчинства учиняют через раз».

На следующий день куратор-рядитель и Евдокия обсуждали, что далее предпринять. В старых книгах под тяжелыми кожаными обложками, что сгрудились на увесистых длинных полках в каменных анфиладах, отыскалось правило: если тот, кому причитается платеж, обладает вещицей, которую надлежит ответно передать, то пока не получит платеж, правомочен эту вещицу удерживать. А следовательно, обладает правом получить своё из её стоимости. Сие означает, что на вещицу, в качестве которой в данном случае выступало собрание кольцовиков, возникает право залога.

Рядитель, сидевший за столом с толстой столешницей из разводчатого камня и коваными ножками, зачитывал текст из свежего номера «Торгового посланника»:

«Возврат платежа по сделке с Трупицыным причитается банку «Нокард», а тому обратно кольцовики передавать незачем, хотя бы они и были схоронены надежно в вирных подвалах. Тем более, что собрание у банка в залоге давно уж значит, то бишь имеется шанс из его стоимости получить ранее за него уплаченное. Другим путем возвратить деньги из невалидной сделки и не светит. Часть оплаченных за кольцовики банком «Нокард» монет Трупицын положил в другой свой банк — «Конрад», которые был объявлен несостоятельным еще раньше. А другая часть оплаты — право взыскания долга с рядника — и подавно ничего уже не стоит. У рядника хорошо если сапоги остались нынче, да хорошо если не на босу ногу.»

— Ага, — сказал рядитель должника, отбросив в сторону газету. — Только ведь раздел состоялся, по факту развода, в пользу супружницы. Не послушали нас, что никаким совокупно обретенным добром собрание после перехода прав на него от банка обратно Трупицыну считаться не может. А с залогом-то что теперь станется?

— А залог зарегистрирован до раздела, — молвила Евдокия. — Значит, никуда не делся.

— То есть требования Нокарда к нашему должнику обеспечиваются залогом собрания кольцовиков? Обеими частями, мужчиной и женщиной, или только условной половиной? За минусом девяноста шести сколько их там осталось?

— Залог должен подтвердить суд, — ответила Евдокия. Пятьдесят кольцовиков у нас, то есть у должника Трупицына. «Собрание» — оно ведь собранием может именоваться только целиком! В разделенном виде — уже нет. Да ещё и не поровну разделил суд, якобы стоимость у кольцовиков разная. Два уровня торговых судилищных палат пройти ещё раз придется. Но чай не железные сапоги снашивать, поборемся.

Скоро история рассказывается, да нескоро дело рассматривается. В первый раз присудил суд, что долг Трупицына общим с супружницей не является и залогом собрания не обеспечивается.

Во второй раз, по жалобе Евдокии, тиунский Совет оставил в силе суждение, что долга общего с бывшей супружницей у Трупицына нет, ибо торговые дела должника семейными не были. А расчеты его с банками Нокард, Конрад и прочими «драконовскими» институциями служили не цели укрепления супружества, а сугубо личным выгодам. Однако же присудил, что залог в отношении собрания кольцовиков имеется, что из древних правоведческих собраний следует — как и утверждала Евдокия свет Терентьевна.

То речение суда стало финальным, так как суд князя по спору о несостоятельности должника представлялся событием совсем уж мифическим. Князь обычно тратил несколько минут своего времени только для суждения в деле о том, заслуживает ли преступление отсечения определенной части тела либо нет.

В свою очередь Лукьян подал прошение о разъяснении окончательного судебного речения. В нем он от имени Трупицыной спрашивал суд пояснить, залогом

каких кольцовиков обеспечено требование — только Трупицына как должника, или Трупицына и Трупицыной вместе, как бывших супругов.

Судебный тиун ответил, что разъяснять в решении суда нечего, потому что из него и так всё понятно: требования Нокарда в лице его куратора-распорядителя к должнику обеспечиваются залогом имущества Трупицына в виде принадлежащего ему собрания кольцовиков, а оно присуждено ему решением другого суда, по результатам раздела супружнического имущества.

— Дальше-то что, князю будем жаловаться али нет? — вопрошал Евдокию вечером того же дня Трупицынский куратор-рядитель.

— Погодите пока, — отвечала Евдокия. — Еще есть пара-тройка самых древних книг, на верхней полке пылятся. Может и отыщется способ, так что князю досаждать жалобами не придется.

Не прошло и пары месяцев, как уже другой судья-тиун в новом деле объявил свое решение: обратит взыскание на кольцовики, принадлежащие Трупицыной Агафье Игнатьевне, как на заложенное имущество, по заявлению куратора-рядителя банка Нокард.

— Что? — взвился Лукьян. — Да как же это возможно?

— Не может такого случиться! — взвыла и сударыня Трупицына, когда ей доложили итог. — Неразменные кольцовики! Неразменные! Не могут от меня уйти! — вопила она, призывая в свидетели самого черта.

— Видите ли в чем дело, сударыня, — произнес хриплый мужской голос из-под шаперона. Рослый тип в темной накидке появился буквально ниоткуда.

Агафья свет Игнатьевна рухнула на пол и простерла руки к нему.

— Так вот, — продолжил незнакомец. — Неразменный-то он да, но пока не попал в залог. Вас же предупреждали, что закладывать его нельзя. Право залога священно и аннулирует колдовское действие.

— Да как его заложишь, это ж деньги! — вмешался в разговор Лукьян, словно нисколько не удивляясь визитеру.

Незнакомец в шапероне поднял руку предупреждающим жестом. Ладонь, видневшаяся из-под рукава черной мантии, была обтянута перчаткой из тонкой светлой кожи с крупными стежками суровой ниткой.

«Человеческая?» — мелькнула мысль у Лукьяна, но скулы лишь чуть дрогнули. Он тут же умолк.

— Раньше были деньги, в Старую Эпоху. Но сейчас уж давненько не деньги. «Собрание»! Так и до перепродажи своей заложенной души дело дойдет. Эх, эволюция! Никуда от неё не денешься.

Лукьян раздумывал, возможно ли ещё что-то спросить, но разъяснитель исчез, оставив после себя лишь струйку серого дыма, который ещё несколько секунд извивался причудливыми узорами в покоех Трупицыной.